

ISSN 0453-8048

0453-7998

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

414'98

**НАУКА І СОЦІАЛЬНІ
ПРОБЛЕМИ
СУСПІЛЬСТВА**

ХАРКІВ
1998

Калюжный В.Н.

ФИЛОСОФИЯ НА ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОМ ПУСТЫРЕ

В сценарии человеческой комедии философии принадлежит особая роль.

В пантеоне культуры философия как будто не находит себе места. Чем только она не рядилась! И царицей наук, и служанкой богословия, и учительницей жизни. Она то рабски следует за физикой, то поучает естествознание. То демонстрирует образцы логичности, то выходит за грань абсурда. То создает литературные шедевры, то нарушает языковые нормы. Она ищет абсолют и учит относительности; восстает против очевидности и соглашается с явными измышлениями; идя на свет, забредает в дебри. Ее имперские амбиции (вечные истины, всеобщий логос, необходимые законы) сочетаются с уничижением ("Я знаю, что ничего не знаю"). Образ философа варьирует от педанта в мантии до трясущегося шамана с огнем в глазах и нечленораздельной речью.

Философия и элитарна и демократична. Народная мудрость напрямую сообщается с эзотерической. Иной афоризм стоит целой теории.

Вход в философию свободен. Ей служат и гении и дилетанты. В одной упряжке оказываются бомж Диоген и легионер Декарт, филолог Ницше и библиотекарь Федоров, психотерапевт Фрейд и физик Бор. Размышления влекли римского императора и председателя совнаркома, но чаще правителей тянет в мистику или языкознание.

Интерпретация философского дискурса – штука тонкая.

Отношения с наукой у философии также не просты. Если первая степенна, объективна, то вторая пристрастна, вдохновенна. В то время как наука стремится к истине, философия хочет понять и что такое наука, и что есть истина. Всякий раз, когда ученый устанавливает твердое положение, философ старается показать его ограниченность. Наука скорее упрощает (отождествляет), философия – усложняет (различает). Для одной все кошки серы, для другой каждый кот гуляет сам по себе.

Со времен семи греческих мудрецов много воды утекло, но еще больше было выпущено многочисленными эпигонами. Следствием безвизового режима стало засорение философии разного рода подделками и симулякрами.

Утратив власть над умами, боссы от философии в посттоталитарном обществе пытаются сохранить ее над подчиненными. Призванные быть научными

семинары проводятся в режиме партийных собраний – с заранее подготовленными решениями и полным единодушием. Тезис "своя рука – владыка" остается непоколебимым. Зато принцип партийности заменил куда более доходчивый принцип групповщины и кумовства. Доселе стройные ряды распались на множество сект и альянсов. Разброд и шатание набирают обороты.

Не успели на постперестроечном пространстве проклюнуться всходы разумного, доброго, вечного, как их стала забывать невесть откуда взявшаяся поросль postmodernism'а. Заморский злак освоился в отечественной почве не хуже картофеля. Верные (еще вчера) мичуринцы беззаботно вкушали вершки и корешки, позабыв, что корень жизни отличается от корня зла.

Постмодернизму все возрасты покорны. Постмодернизм светит каждому. Светит, но не греет. Свет его – отраженный, причем многократно. Природу его понять не просто. Дешифровка названия этому не помогает.

Постмодернизм определяется не с идейной стороны (как материализм, идеализм...), а с чисто прагматической. К нему примыкают не по принципиальным соображениям, а по конъюнктурным. "Постмодернизм" – это скорее пароль, клич, сигнал сбора. Под его знамена стекается разношерстная толпа. В ней нет ни эллина, ни иудея, но много бывших марксистов и грядущих хамов, нищих духом и богатых воображением, юных дарований и классных дам.

Что объединяет эту пеструю компанию, так это ненависть к существующему строю мысли, отказ от сложившейся системы ценностей, неприятие идеи порядка. Громя создания интеллекта, постмодернизм не оставляет камня на краеугольном камне. Наследники луддитов крушат логический аппарат, механизмы мышления. Причем, если для превращения космоса в хаос пролетариат использовал булжники, то постмодернизм – "деконструкцию".

Постмодернисты питают болезненный интерес к аномальному. Творческая слабость компенсируется подглядыванием за производительными силами и соответствующими отношениями других. Запретный плод им сладок и приятен.

Постмодернисты любят не только сражаться, но и играть.

Среди любимых – игра словами. Искусство требует жертв, а игра – соответствующего инвентаря – языка.

Лексический запас постмодернистов карман не тянет. Ряд слов депортирован из классической философии. Правда, в процессе транспортировки полновесные символы превратились в худосочные знаки. В чести термины авторитетных дисциплин: геометрии, физики... Другое дело, что их значения изменились до неузнаваемости; тела и фигуры деформировались, материя вышла из подчинения общепринятым законам.

В словаре богато представлены междометия. Популярны экспрессивы. Повышенная экзальтированность носителей языка заставляет их обращаться к сильным выражениям. Показательно, что у каждого уважающего себя постмодерниста имеется фирменный (товарный) знак, обеспечивающий его (само)идентификацию. Это – "деконструкция" – Деррида, "сверхсгибание" – Делеза, "интенсивности" – Лиотара, "машины желания" – Гваттари, "сингулярности" – Вирилио.

В речи постмодернистов доминирует механизм номинации. Именование позволяет лишь прикоснуться к предмету, но не проникнуть вглубь. Скольжение по поверхности вещей не раскрывает их сущности. Развращение постмодернистского дискурса напоминает ритуальную пляску. Речевые акты постмодернистов ярко театрализованы. Манипуляция словами трансформируется в манипулирование слушателем. Высказывание является не более, чем замаскированным предположением. Обоснование подменяется постулированием. Не связанные узами дедукции, все предположения равноправны, где вывод, где гипотеза, – различить затруднительно. Не создавая ничего нового, постмодернизм как бы ведет паразитический образ жизни.

Постмодернизм – смесь культур элитарной и массовой. Он спекулирует на тяге человека к высокому, но разворачивание постмодернистского дискурса напоминает ритуальную пляску.

Манипуляции словами трансформируются в манипулирование слушателем. Высказывание является не более, чем замаскированным предположением. Обоснование подменяется постулированием. Не связанные узами дедукции, все предложения равноправны. Где вывод, где гипотеза, – различить затруднительно.

Не создавая ничего нового, постмодернизм как бы он ведет паразитический образ жизни.

Постмодернизм – смесь культур массовой и элитарной.

Постмодернизм спекулирует на тяге человека к высокому, но предлагает сниженный, адаптированный вариант. Примитивизуя сложное, он запутывает простое; вульгаризуя возвышенное, он вдохновляется скабрёзным. Не в силах одолеть трудный путь к вершине, он с комфортом располагается у ее подножья.

Бульварная литература любит пощекатать нервы обывателю. Постмодернизм запугивает интеллектуальным триллером. Не видящие дальше собственного носа пророчествуют о конце света, остановке времени. В эсхатологии постмодернизма нет подлинной трагичности; Вместо катарсиса – истерика, переполох вместо самоуглубления. Страсти по постмодернизму обарачиваются фарсом. "Он пугает, а мне не страшно", – ставит в этом деле точку Лев Толстой.